

Капризы молодого господина Цзяна были не шуткой. Гу Шэн публично унизил его перед друзьями и гостями, и если первый раз он ещё смог сдержаться, то во второй раз терпеть уже не собирался. Если бы он снова промолчал, то ему пришлось бы писать своё имя задом наперёд.

Цзян Чэн, стиснув зубы, поднял ногу и резко опрокинул Гу Шэна на диван, прижав его плечо и почти всей тяжестью навалившись на него!

Гу Шэн, не ожидая такого, ударился затылком о мягкую обивку, и в головокружении, лишь по инстинкту, попытался отвернуться от Цзян Чэна. Полустарый чаншань из-за сильного нажима Цзян Чэна разорвался на груди.

Небольшой участок кожи на ключице внезапно оказался открыт в тусклом свете комнаты. Кожа между плечом и грудью была мягкой и прекрасной, приковывая взгляды всех присутствующих, словно при попытке оторвать её можно было бы вырвать кусок плоти.

Гу Шэн резко ударил его ногой в живот.

Это был настоящий удар, быстрый и безжалостный, не оставляющий Цзян Чэну ни малейшего шанса.

Но Цзян Чэн, словно у него были глаза и на других частях тела, отклонился в сторону, и прежде чем Гу Шэн успел подняться, он упёрся коленом в его бок и схватил его за подбородок.

Сун Чжао и Шэнь Яо, напуганные этой сценой, не ожидали, что мягкий на вид актёр будет так себя вести с Цзян Чэном. Они сидели далеко от него и, бросив бокалы, закричали:

— Не бей! Давайте поговорим спокойно!

— Чего ты так нервничаешь? А? — Цзян Чэн, сжав щёки Гу Шэна, заставил его посмотреть на себя.

Осмотрев его, он наклонился к его уху и тихо сказал:

— ... Вернёмся домой, и я с тобой разберусь.

Тело Гу Шэна внезапно напряглось, он поднял глаза и уставился на Цзян Чэна, в его взгляде почти загорелся огонь.

Цзян Чэн отпустил его, успокаивающе провёл тыльной стороной руки по его гладкой коже и, словно уговаривая, сказал:

— Ладно, хватит притворяться. Разве ты не поёшь по ночам? Мои друзья здесь, дай мне хоть немного сохранить лицо, а?

В этот момент снаружи раздался шум, и все в комнате вздрогнули, замолчав. Затем послышались удары мечей, крики и плач внизу. Сун Чжао и Ду Хань, собиравшиеся вмешаться, резко развернулись и, забыв о комнате, вышли в коридор.

У входа в ресторан охранники задерживали оборванного старика, который, размахивая руками, пытался прорваться внутрь, издавая хриплые звуки, словно умирающий. Шэнь Яо с отвращением нахмурился и, повернувшись к адъютанту, сказал:

— Кто этот бродяга, осмелившийся здесь буяннить? Знает ли он, кто здесь сидит? Немедленно

выгоните его!

Адъютант тут же ответил:

— Есть!

Но старик, услышав шум сверху, поднял голову и закричал.

Прислушавшись, можно было разобрать что-то вроде:

— Собаки-милитаристы! Верните моих жену и детей!

Сун Чжао вздрогнул и посмотрел на Шэнь Яо и Е Биня. Из присутствующих настоящими милитаристами, достойными такого звания, были только семьи Цзян, Шэнь и Е. Цзяны правили в Цзинбэй, поэтому Цзян Чэн занимал наиболее высокое положение. За ними шли милитаристы Гуаньнань из семьи Шэнь, а затем родственники Цзянов из семьи Е.

Сун Чжао был из семьи, разбогатевшей на торговле оружием, и не мог сравниться с этими настоящими властью имущими.

Оба они с отвращением смотрели на старика, считая его сумасшедшим, и уже собирались вернуться в комнату, как вдруг старик закричал:

— Шэнь!..

Шэнь Яо резко обернулся.

В мгновение ока их взгляды встретились, и старик крикнул с невероятной горечью:

— Шэнь Вэньчан! Ты думаешь, я тебя не узнаю? Я узнаю тебя, даже если ты превратишься в пепел! Вы, пожиратели плоти, знающие только как грабить и насиловать! Собаки!..

Старика ударили ножом в грудь, он захлебнулся кровью, и охранники, быстро подбежав, выбросили его за дверь, как мёртвую собаку. Затем они повернулись к зевакам, указывая на них штыками:

— Чего уставились? Убирайтесь!

Толпа затихла и медленно рассеялась. Снаружи старик ещё не умер, его хриплое дыхание прерывалось криками:

— Моя внучка... Собака Шэнь Вэньчан, пусть сгинет!

Шэнь Яо посмотрел вниз, затем вошёл в комнату и увидел Цзян Чэна, мрачно стоящего у двери. Тот спросил:

— Что случилось?

— Ничего особенного. Скорее всего, старик заставил кого-то стать проституткой, перестарался и убил. Отец нашёл меня, — Шэнь Яо нахмурился, вошёл в комнату и выпил бокал вина. — Я видел этих двоих, они пели народные песни. Умерли и умерли, зачем поднимать шум? Неужели это так важно? Какое несчастье!

Шэнь Вэньчан был отцом Шэнь Яо, настоящим милитаристом Гуаньнань. Завоевав эту

территорию, он передал власть сыну, а сам занялся двумя вещами: игрой в карты и женщинами. Причём женщин он выбирал исключительно из порядочных семей, и в итоге у него было тринадцать наложниц.

Гу Шэн, стоявший за Цзян Чэном, на мгновение замёрз, его худое лицо стало ещё более впалым.

Сун Чжао поспешил успокоить всех:

— Ничего страшного, давайте продолжим пить. Кстати, мы же собирались попросить Гу Шэна спеть, так что...

Цзян Чэн повернулся к Гу Шэну и увидел, что тот холодно смотрит на него.

Цзян Чэн удивился:

— Что?

Гу Шэн тихо сказал:

— ... Эта семья, значит, кончена?

Его голос, обычно мягкий и юношеский, теперь звучал с лёгкой, леденящей душу зловещей ноткой. Это ощущение длилось мгновение, а затем Цзян Чэн с улыбкой приблизился к нему и, шутливо, потрепал его за шею:

— Ты поёшь о князьях и генералах, какое тебе дело до бурь Цзиньчжоу? Давай, все ждут.

Гу Шэн не двигался, и Цзян Чэн, сжимая его руку до побеления костяшек, уже собирался взорваться, как вдруг молодой человек заговорил:

— Завтра я вернусь в Лиюань.

Цзян Чэн удивился, отпустил его и рассмеялся:

— О? Ты уже научился ставить условия? Хорошо, посмотрим, сможешь ли ты завтра встать...

Он вдруг замолчал. Гу Шэн стоял прямо перед ним, холодно глядя ему в глаза. Его взгляд был спокоен, и в стеклянных глазах даже чувствовался лёгкий налёт льда.

Цзян Чэн смотрел на него секунду, затем усмехнулся и кивнул:

— Ладно! Ты парень... Иди.

Он хлопнул Гу Шэна по плечу и подтолкнул его вперёд. Гу Шэн, пошатнувшись, вдруг обернулся. Цзян Чэн подумал, что он передумает, но тот быстро повернулся и приказал начать представление.

Гу Шэн, не надевая костюма, выглядел ещё более поразительно, чем в полном облачении.

Его лицо было правильным, черты лица мягкими и изящными, как у юноши из Цзяннань. Когда он улыбался или хмурился, его взгляд был настолько женственным, что мог сразить наповал, но при этом в нём не было ни капли женственности. Ему было около двадцати, но выглядел он моложе. Некая юношеская андрогинная красота достигала своего пика в его пении, и его

проникновенный голос врезался прямо в сердце.

Цзян Чэн, держа бокал, бесшумно отбивал ритм указательным пальцем по краю. Перед ним, на фоне чайного столика, фигура Гу Шэна, строго следующего каждому шагу и жесту, очерчивала изящный контур. Его глаза были глубоки, как падающие звёзды.

Это представление ещё не закончилось, как Цзян Чэн уже увёл Гу Шэна домой.

Цзян Чэн действительно увёл его силой. Цзян Чэн, всегда действующий по своей воле, не оставил Гу Шэну никакого выбора.

Цзян Чэн продержал его до рассвета, и вначале Гу Шэн ещё мог сдерживаться, но потом почти потерял контроль, издавая прерывистые стоны и мольбы. Цзян Чэн, однако, любил слышать его голос и, услышав, только усиливал свои действия. Когда Гу Шэн проснулся, его горло было сухим, и он почти потерял голос.

Цзян Чэн, сохранивший привычки, приобретённые в армии, в семь утра уже был в штабе. Гу Шэн был чист, его халат и постельное бельё были заменены, а на тумбочке стоял стакан воды, от которой ещё шёл пар.

Всё это сделал сам Цзян Чэн. В доме Цзянов не было недостатка в слугах, у Цзян Чэна их было пятеро, но только это он считал своим личным делом, и никто другой не мог к нему прикоснуться.

[Отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16144/1445619>